

A close-up photograph of a woman with brown hair tied back, wearing light blue medical scrubs. She is looking down with a gentle, focused expression at a newborn baby she is holding. The baby is sleeping peacefully, wrapped in a white blanket. The background is softly blurred, showing what appears to be a hospital or clinic environment with shelves and medical equipment.

Евгений Макаренко

Лето в октябре

Евгений Макаренко

Лето в октябре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73015682

SelfPub; 2025

Аннотация

В небольшом провинциальном городе в больницу привозят странную пациентку. Это молодая женщина, которой кто-то сделал в полевых условиях кесарево сечение. Она жива. Младенец тоже. У нее голубая кровь.

Участники инцидента поневоле становятся соучастниками внеземного эксперимента по выведению нового вида человека.

Первая часть дилогии.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Евгений Макаренко

Лето в октябре

Дисклеймер: любые совпадения названий, мест, организаций, людей, должностей – это случайность. Все события, персонажи и локации данного произведения вымышлены и не имеют никакого отношения к реальности. Наличествует 18+. Косвенно упоминаются вредные привычки.

Светлой памяти Аркадия и Бориса Стругацких, мэтров отечественной фантастики.

Глава 1

Тамара Петровна Вихрач задержала взгляд на своём отражении: длинные ресницы, яркая помада, лёгкая тень усталости под глазами – но в целом выглядела она на все сто. Крупные черты лица придавали ей дерзкую привлекательность, а неугомонные рыжие пряди оживляли образ.

Убедившись, что лицо выглядит безупречно, Тамара отступила назад и оглядела себя целиком. Среднего роста, крупновата, полновата, но крепкая – без намека на дряблость: можно позволить себе приталенное темно-зеленое платье с открытым плечом – оно подчеркивало талию и заставляло голубые глаза светиться ярче.

– Хороша, хороша, – в зеркале появилось второе отражение, чем-то напоминающее Тамару, но более уставшее и увядшее.

– Да прямо уж, мам! – в шутку обиделась Тамара.

– Мать не обманешь! – погрозило пальцем второе отражение и вздохнуло. – Найди уж себе кавалера там, на югах, что ли... А то, вишь, кака красота пропадат!

– Всё у меня под контро-одем! – натянуто пропела Тамара.

Мать фыркнула.

– Максимка, шоль, кавалер-то?

Ответа не последовало.

– Ох, доча-доча! Одной тяжко-то, сама ж така была-то... – снова вздохнула мама и пошаркала стоптанными тапочками на кухню.

Блестящий адвокат в прошлом, а теперь простая пенсионерка, уставшая от лицемерия, но безумно любящая внуков и единственную дочь.

Тамара глянула матери вслед, потом ещё раз крутанулась перед зеркалом, охватила руками шевелюру и медленно собрала её в шикарный хвост. Закрепила заколкой.

– Леди Совершенство! – снова возникло второе отражение в зеркале, только на этот раз сильно моложе и с пирсингом в носу.

– Бабушку слушаться, за братом – смотреть, – пропела Тамара обманчиво бесстрастным голосом. – Буду казнить и милловать. Может быть, только казнить...

– «Три богатыря»!

– В точку! – Тамара собрала губы сердечком. – Но кнут и пряник будут. Обещаю. А выбор за вами, детки!

– Главврач Вихрач собрался на бухлач, – поддела дочка.

– На ку-рорт! – многозначительно подняла указательный палец Тамара.

– И шо, совсем без бухлача? – продолжила наступление дочка.

– Бокал вина на закате к лечению приравнивается. А в целом-то не вашего нежного ума светлая печаль, юная леди! – обворожительно улыбнулась в зеркало Тамара. – Волосы поддержи – переставлю заколку.

Дочка пожала плечами, но просьбу выполнила.

– Товарищ начальник штаба, – скучным голосом сказала она матери, – я составила расписание: мне – надзирать за Петькой, брату – надзирать за Батоном, коту... ну, кот сам знает, за кем ему надзирать.

– Утверждаю, товарищ Маша, – начальственным голосом ответила Тамара, и обе рассмеялись. – Деньги я тебе на карточку закинула. Веди хозяйство с умом, чтобы хватило.

С годами Тамара научилась носить броню спокойствия перед детьми, но каждый раз чувствовала, как где-то внутри щёлкает невидимый замок: слишком поздние, слишком дорогие.

Времени на себя почти не оставалось: от терапевта до главврача – пятнадцать лет дежурств, собраний, отчётов, изнуряющего бесконечного стресса. Три года у руля больницы Кромска вымотали её окончательно. Отпуск виделся чем-то между глотком кислорода и манной небесной.

Абхазия манила мандариновым сезоном и щадящим ценником. Тамара представляла, как будет пить кофе на тенистой веранде, слушать море и забывать про круглосуточное иго «решения вопросов».

– Карета подана, доченька! – мама отодвинула занавеску и меланхолично смотрела на улицу, слегка пожёвывая пустым ртом.

– Ну всё, не скучайте! – Тамара обняла всех по очереди, легко подхватила весьма нелёгкий чемодан и вихрем выле-

тела из квартиры.

Такси выскользнуло из двора, и знакомые пятиэтажки поплыли мимо, как древние осколки советской эпохи. Где-то чуть правее сердца у Тамары механизм тревоги щёлкнул в режим ожидания: следующие пару недель она – не главный врач, не бесконечный резервуар решений, а просто пассажир. Впервые за последние годы она позволила себе роскошь тишины и обнаружила в ней едва слышный, но устойчивый зов: «Не торопись возвращаться прежней. Миру, быть может, нужна другая ты – та, что не боится пустоты перед собой».

И именно в этот момент, на выезде из города, где бетонные коробки уже кончились, а тайга ещё и не думала начинаться, её озарило: ни один отпуск не лечит так эффективно, как честная попытка посмотреть на мир вокруг как на иную планету.

Глава 2

Тем временем в покинутом главврачом богоугодном заведении жизнь шла своим чередом. Больнице предстояло дежурить весь этот пасмурный осенний день и грядущую ночь.

Осень этого года выдалась тёплой, мокрой и ветреной. Причём всего было много – и ветра, и дождя, и тепла, словно лето никуда не уходило. Ушло только солнце. За окном было восемь часов вечера, но тьма стояла такая, будто в небе разбили чернильницу.

Дождь стучал по старой, обитой железом крыше кромской городской больницы, словно пьяный барабанщик Императорской гвардии, затеявший безумный концерт в своём хмельном угаре. Ветер, как недовольный зритель, налетал порывами, выкручивая и ломая мокрые кроны деревьев, свистя в ветвях и гремя сучьями, пока дождь продолжал свою свирепую рапсодию.

Вышедший покурить дежурный врач-гинеколог лишь приоткрыл дверь приёмного покоя, но, получив изрядную порцию воды в лицо, тут же захлопнул её обратно. Под козырьком пандуса ни единого сухого места не нашлось – мир снаружи представлялся неприступным, как крепость, охра-

няемая стихийными духами.

Каждый, оказавшийся на улице, чувствовал себя так, словно кто-то раскрутил ведро с водой и со всей силы выплеснул прямо в лицо. Раз в полминуты налетал шквалистый порыв ветра, загоня брызги в капюшоны, под манжеты и даже за пояс штанов.

Немного косолапой походкой Михаил Иваныч вернулся в регистратуру. За ближним столом сидела медсестра – сухонькая, жёсткая, неутомимая Мария Павловна. Её стол, как всегда, был завален документами, документиками и документищами. Она называла эту грудку «последствиями», но различала по степени бедствия от халтурного заполнения.

– Это что? – посмотрел на неё поверх очков Михаил Иваныч.

– Это пока «миска» висела – накопилось, надо в компьютер заносить.

– Ясно, «Записки сумасшедшего», – крикнул доктор, подвигая к себе кипу бумаг.

Под «миской» Мария Павловна имела в виду МИС – медицинскую информационную систему, отказ сервисов кото-

рой очень быстро приводил больницу к накоплению лавины бумаг.

Да и безо всяких зависаний порой казалось, что основная задача медиков – заполнять статистики, отчёты, формуляры и формы. Больные только мешают, ибо в сутках нет двадцать пятого часа. Ну и жизнь – она тоже одна.

– Тамаре Петровне как лететь сейчас? – между делом спросила Мария Павловна. – Ещё рейс отменят, того гляди...

– Погода шепчет, – дежурно ответил доктор.

Погода не шептала – она выла и бесновалась.

Обычно дежурный врач в приёмном покое не сидит: для этого есть ординаторская, где он может даже поспать, но сейчас оформляли женщину с внутриматочной патологией. Привезли её на «скорой», а разбираться в деталях решили утром – состояние больной позволяло. А вот медсестра в приёмном покое должна бдеть – работа такая.

Вернувшись в ординаторскую, Михаил Иванович погрузился в заполнение дневников. Работы всегда было больше, чем часов в сутках.

– О, счастливая «тринашка» пошла! – крикнул он.

Сейчас «форму номер тринадцать» заполняли реже, особенно после того, как появились цифровые базы «Перинатальный регистр», но резервный протокол в кромской больнице пока не отменяли. В эту форму заносились сведения о беременности с абортивным исходом.

– Та-ак... Головкина... Вот уж точно кому-то не повезло, – ворчал под нос доктор, – даже света белого не увидеть. Или наоборот – повезло? Один Бог то ведает.

На клавиатуру Михаила Иваныча, кружась, словно лист осенний, спланировала отслоившаяся чешуйка краски. Доктор, сдерживая тоскливый вздох, бросил мимолётный взгляд на потолок, куда, как правило, старался не смотреть. Там, словно свидетель неумолимого времени, зловещей лентой тянулась длинная трещина в штукатурке, обрамлённая уродливыми солевыми разводами от старой протечки. Ближе к стене штукатурка была изъедена настойчивым временем настолько, что из зияющего пролома торчал потемневший кусок ветоши. Строители на скорую руку конопатили чем попало плохо пригнанные стеновые панели. Больница сама нуждалась в лечении, но средств не находилось. Говорили, будто Тамара выбила финансирование на будущий год. А по-

ка что трещина неумолимо росла, являя собой символ упадка провинциальной медицины.

За окном мелькнул свет и пропал. Потом ещё раз мазнул вскользь по окнам и ушёл в серую пелену ливня. Сквозь шум тяжёлых капель пробился слабый гул мотора.

– Везут кого-то, – всмотрелся в окно доктор. Мечущиеся лучи упёрлись в стёкла, после чего медленно уползли в сторону – машина разворачивалась задом к пандусу.

Доктор снова выглянул в окно и выругался сквозь зубы:

– Самотёки...

Самотёки – это значит «сам пришёл». И это – рулетка. Пациента привезли на обычной машине, без каталок и специальных приспособлений для быстрой и безопасной перегрузки на пандус. Хорошо, если ходячий больной, а если в кабине сидит без сознания? Или вообще в багажнике кровью истекает, медведем ободранный?

Ответственность за исход лечения всё равно на медиках. У врачей, как у военных, учителей и попов, нет никого за спиной, кроме Бога. Ни скрыться, ни укрыться. Запутанные судьбы, бесконечно тянущиеся тени жизней, которые ты не

в силах спасти, лежат на тебе как вечная ноша. Отсюда медицинский цинизм – иначе с ума сойдёшь.

Послышались шаркающие шаги – по лестнице шёл санитар, и одновременно сработал зуммер на входной двери приёмного покоя. Потом посетитель, видимо не надеясь на звонок, от души постучал в дверь.

Открыла медсестра, предвкушая порцию бесплатного душа, но дождь на удивление стих: будто кто-то, разгуливая по небесам, вдруг передумал и решил присесть отдохнуть. Только ветер порой налетал на кроны деревьев, усиливая капель.

За дверью обнаружился Михалыч, местный егерь, давний приятель Михаила Иваныча по совместной рыбалке, которого по образу жизни давно уж следовало демонстрировать студентам-биологам как учебный пример симбиоза человека с ландшафтом.

– Принимай больных! – рявкнул он с порога.

– Кто у нас?

– Роженица. Самостоятельное кесарево.

– Вы чё, е*лись? – шёпотом спросила Мария Павловна и бросилась к телефону.

Михаил Иваныч появился через минуту.

– О, Михалыч! – проворчал он. – Кого привёз? Опять охотников кабан на рога поднял?

– Домашнее кесарево...

Доктор посмотрел на приятеля весьма красноречиво.

– Мария Павловна, хирурга – cito! С противошоковой аптечкой. Михалыч, показывай давай!

Егерь посторонился и поспешил к машине, слегка прихрамывая: левую ногу по колено заменял протез – печальный привет из боёв за Мариуполь. Выскочил санитар и вопросительно глянул на врача:

– Где?

Егерь тем временем открыл багажник. Коротко пшикнули пневмоамортизаторы, и задняя дверца ушла вверх. Тут же всё вокруг заполнил истошный плач младенца. Даже на вид новорождённый был крупноват – врач навскидку опре-

делил килограмма в четыре-четыре с половиной. Он аккуратно подхватил малыша и отдал его подскочившей медсестре. Та приняла кроху и поспешила скрыться в здании – ребёнка следовало как можно скорее показать педиатру.

Тут нужен был неонатолог, но такого специалиста в кромской больнице не было; был только педиатр, которого сейчас вызванивала Мария Павловна.

– Готовьте каталку, – коротко бросил Михаил Иванович санитару и вернулся к машине.

Егерь зажёл свет в салоне. Заднее сиденье «Нивы» было убрано, вместо него лежал изрядной толщины соломенный тюфяк, покрытый белой простынёй со следами крови. Справа от водителя, на тюфяке, лежала молодая женщина астеничного телосложения – во всяком случае избытка форм под простынёй не проглядывало. Согнутыми ногами она упиралась в порожек багажника. На разложенном пассажирском сиденье, спиной к ветровому стеклу, помещался субтильный мужичонка, одетый в какой-то архаичный льняной костюм, состоящий из долгополой рубахи и порток – ни дать ни взять, привет из XIX века. Руками он крепко держал голову роженницы, при этом лицо его выражало крайнюю степень измождения.

Михаил Иванович приподнял простыню. Там оказалась давящая повязка, намотанная на манер подгузника. Под этим нагромождением нашлась гигроскопичная пелёнка, которая отделилась легко. Зато под пелёнкой обнаружилась плотная льняная ткань, пропитанная каким-то пахучим смолистым составом. По краям льняная повязка пропиталась кровью и намертво присохла к разрезу на животе. Из-под неё жутковатым синим червём торчал обрывок пуповины, перевязанный грубой бечёвкой растительного происхождения.

«Нива» была совсем древняя – аж 1981 года, ещё со старыми советскими прямоугольными фарами сзади кузова. И это было проблемой! У более поздних версий отечественного внедорожника задние фары располагались по углам, и крышка багажника закрывалась прямо на уровне пола багажного отделения, а на этом древнем рыдване был ещё порожек сантиметров в двадцать. И через этот порожек предстояло извлекать пациентку со вскрытым животом!

Михаил Иванович спрыгнул с пандуса и подошёл к пассажирской дверце. Постучал по стеклу. Мужичонка никак не отреагировал и головы страдальцы не выпустил. Доктор выругался и рванул рукоятку дверцы на себя.

– Отпустите её! – приказным тоном сказал он. – Мне нужно осмотреть пациентку.

– Я... не могу... – мужичок повернул голову к врачу. – Я... держу её боль... Ей... без меня совсем плохо будет.

Глаза его были налиты кровью, веки припухшие, на лбу вздутые вены.

– Немедленно отойдите от пациентки! – рявкнул врач. – В полицию уже сообщили – пойдёшь как соучастник!

– Воля... ваша... – полушёпотом ответил мужичок, убрал руки и перебрался на водительское сиденье, запнувшись о рычаги скоростей.

Женщина сразу же прерывисто задышала и зашевелилась. Михаил Иваныч пощупал пульс на шее – тот был ровный, хорошего наполнения. Посветил фонариком в глаза – зрачки реагировали нормально. Вдруг больная судорожно дёрнулась и закатила глаза под лоб, лишившись сознания.

– Эй, как там тебя? – повернулся врач к мужичку. – «Обезболивай» её дальше!

– Борослав я, – коротко ответил мужичок, снова прыгая к женщине и охватывая виски руками.

Конечно, врач ему не поверил, но брать ответственность

за смерть роженицы не хотелось никому. Тем не менее Борослав явно уповал на свой «талант». Он всерьёз засопел-задышал: вены на лбу вздулись пуще прежнего, из носа потекла тоненькая струйка крови. И это сопение возымело эффект: больная задышала ровнее, открыла глаза и повела ими по сторонам.

– Больно... – шёпотом сказала она.

– Терпи, душа моя! – сквозь зубы выдавил Борослав, криясь от напряжения. – Помощь близко.

– Перегружаем! – скомандовал Михаил Иванович.

Появился дежурный хирург, санитар прикатил каталку. Буднично и рутинно они подвели под роженицу мягкие носилки и на «раз-два-три» устроили цирковое шоу: из кабины, снова согнав на водительское место Борослава, носилки поддерживал санитар, а оба доктора перехватывали их так, чтобы не пересчитать рёбра несчастной о гнусно торчавший штырь нижнего фиксатора багажной дверцы.

Роженица снова протяжно застонала и лишилась сознания. Когда её наконец уложили на носилки, Борослав снова дёрнулся за ней и обхватил руками голову. Кровь у него шла уже из обеих ноздрей.

Везти каталку с живым пациентом положено головой вперёд. Спутник женщины молча семенил задом, пока не споткнулся о почти незаметный порожек приёмного покоя и не упал на спину, выпустив голову своей подопечной. Упал он вполне подготовленно – в последний момент резко понизил центр тяжести и ушёл в перекат, видимо, сработали рефлекссы. Но на этом его запал иссяк: подняться Борослав уже не смог, а только сидел, озираясь вокруг мутными глазами.

– Боря, ты это... тут посиди пока! Санитар! – выдал Михаил Иваныч.

Санитар оттащил мужичка и прислонил его спиной к стене. Мария Павловна уже спешила к нему с нашатырём и повязкой. Врачи задерживаться не стали и размеренными шагами направились к лифту. Так же размеренно миновали белые двери с надписью «Операционный блок», над которыми тут же вспыхнуло красное табло: «Идёт операция!».

Операционную разворачивали быстро, но без спешки. Пока врачи намывались, хирург только спросил:

– Младенца достали?

– Да. Ты ушиваешь – я ассистирую, – ответил Михаил Иваныч.

В присутствии других медиков было бы «вы» да «имя-отчество», но даже тетиву у лука нельзя держать вечно натянутой – ослабнет или лопнет.

Взяли госпитальные анализы экспресс-тестом, определили группу крови – и тут же нарисовался новый сюрприз.

– Доктор, она, по ходу, кианетик! – послышался удивлённый возглас операционной сестры. – Вены на ощупь ищут!

В полумраке на улице было видно плохо; до операционной женщину везли под простыней. Излишнюю бледность списали на кровопотерю – а тут вон какой поворот.

– Наталья, мы в операционной, а не в цирке, – желчно бросил хирург.

– Виталий Палыч, ну сами взгляните! – она сунула лампу трассиллюминатора в кисть пациентки.

Хирург взглянул – и ему стало не по себе: кисть просветило инфракрасной лампой насквозь, но не было видно ни единой тёмной тени – сосуды не просвечивались.

Потом врач глянул на стол: на матрице из стандартных сы-

вороток не было реакции ни в одной ячейке. Набранная из вены кровь была густая, тёмно-голубая с сиреневым оттенком, да ещё с металлическим отливом. Однако, нанесённая в пустую ячейку, капля постепенно наливалась светло-голубым. Такой формулы у теплокровных быть не могло: гемоглобин связывает кислород втрое лучше своего голубого собрата на основе меди, и, чтобы питать мощную нейросеть вроде мозга, гемоцианин должен составлять половину массы крови. Не кровь, а желе получится – по сосудам не протолкнёшь!

– О как! – только и выдал Виталий Палыч.

– Вот потому и довели! – подошёл Михаил Иванович. – Если это то, что я думаю, свёртываемость должна быть выше, чем у гемоглобиновой.

– Гениально! А переливать ей что? Есть идеи? – раздражённо повернулся к нему Виталий Палыч.

– Её же плазму. Ещё раствор Рингера-Локка. И после операции – спирта немного разведенного, иначе угроза тромбов. Другие предложения?

– Есть. Плазму не брать: чем её сепарировать при такой-то вязкости?

Подошёл анестезиолог, коротко посмотрел на голубоватую капельку:

– Работаем?

– А что тебе чуйка говорит, Семён Ильич?

– Чуйка орёт: «Ни в коем случае эпидуральную! А то беда будет!» Кетамин для индукции и фентанил на поддержку. Дыхание по возможности сохраняем, но интубацию с манжетой ставим – желудок не чистили, мало ли что...

– Господа доктора, – вдруг выдала старшая операционная сестра, – а вам не кажется, что мы тут немного того... на всю голову «ё»?

Зрачки её дёрнулись, расширились и так же резко вернулись в норму.

– Давайте уж наконец творить историю, – добавила она неожиданно весёлым голосом.

– Всё, работаем! – скомандовал хирург. – Михаил Иванович, стол в положение Фоулера! Сестра – катетер в мочеточник! Семён Ильич, начинайте. See you in jail!

Анестезиолог вскрыл кетамин. В воздухе поплыл запах мокрого картона.

– ФИО пациента неизвестно, пол женский, вес 52 килограмма, – начал он стандартный протокол. – Возраст около двадцати лет, экстренное кесарево, ушивание послеоперационной раны, аллергии не выявлено, протезов не обнаружено...

Наступила тишина – только короткие команды, позвякивание инструментов и гул приборов, звучащие как тихая поступь неизбежного. И наконец – сакральное:

– Доктор, ваш пациент готов.

Через час, к которому в штатном протоколе полагалось бы закончить «обычное» кесарево, в операционной всё ещё кипела работа. Снаружи ветер вновь усилился до такого рёва и скрежета, будто больничный корпус поставили на полозья и сейчас он, весь дрожа, собирался в дорогу.

– Вены как проволока, – шепнул Михаил Иваныч, подавая зажим. – Капилляры почти не кровят, а если и открываются, то сразу закупориваются. Никогда такого не видел.

– Зато экономия на коагуляторе, – буркнул Виталий Палыч и, чуть помедлив, повернулся к анестезиологу: – Сату-

рация?

– Сатурация нерелевантна. Давление стабильно. Держится, – отозвался Семён Ильич, глядя на мониторы, где вспыхивали графики цвета свежей мяты.

Хирург хмыкнул. «Нерелевантна». Мог бы и сам догадаться – датчик-то под гемоглобин заточен, а тут жижа сияющая.

– Держится – и слава Богу, – хирург мотнул головой, и капля пота сползла со лба под маску. – Ну что ж, ушиваем.

Дел под конец оказалось вдвое меньше, чем опасались: края разреза слипались так, будто их покрывали хирургическим клеем. Из брюшной полости вытекло всего две-три столовые ложки «крови». Даже тампоны, привычно становящиеся алыми, лишь чуть серели от голубоватого пигмента.

– Хлопотно, но, по-моему, девица жить хочет, – резюмировал Виталий Палыч, откладывая иглу. – Михаил Иванович, контролируйте послеоперационку: если что-нибудь пойдёт не так, даже не звоните – орите.

– Добро, – устало кивнул гинеколог.

Все, находившиеся в операционной, были профессионалами: никто не отвлекался и не смотрел по сторонам. Но если бы такой глазастый нашёлся, то мог бы ещё в самом начале заметить в смотровом окошке лицо женщины. За операцией лично наблюдала Тамара Петровна Вихрач. Впрочем, надолго она не задержалась: дождавшись, пока хирурги окончательно снимут повязку и начнут глубокую ревизию раны, она отошла от окна и, неторопливо цокая шпильками, растворилась в полумраке коридоров.

Глава 3

Час спустя прооперированную женщину увезли в палату интенсивной терапии, которую часто путают с реанимацией. Санитарки занялись мытьём операционной, а хирурги разошлись по ординаторским. Недавний порыв, необъяснимо возникший перед операцией, иссяк столь же внезапно, как и возник. Пока шли по коридору, операционная сестра что-то бурчала про сына с температурой, анестезиолог зевал и говорил про необыкновенный чай, который “вот завтра непременно принесёт и всех угостит”, а хирург, глядя на стеклянную пробирку с кровью – кровью неожиданно голубой и чужой, – задумчиво рассматривал её сквозь просвет, словно вглядывался в собственные мечты. Мечталось ему, что, может быть, его следующая работа – это статьи в “Lancet”, а то и Нобелевская. Если, конечно, удастся понять, что происходит на самом деле. Потом он тоже перегорел – и пробирка, как реликвия неизвестной эпохи, отправилась в холодильник для биоматериалов.

Хирург высшей врачебной квалификации Виталий Павлович уже настроился на отдых и думал лишь о том, как бросить вызов бюрократии дать отпор системе – нагло поспать пару часов.

Только Михаил Иванович никак не мог отделаться от ощущения сюрреализма. Как довели роженицу? Почему не умерла? Откуда эта кровь – чуждая, космическая, словно из другого измерения? И почему всем было так спокойно в этом хаосе? Почему вмешательство казалось одновременно безнадёжным и предсказуемым? Ответов не было. И потому он решил не задаваться неразрешимыми вопросами. Завтра начальству доложимся – и будь что будет. Доктор сел было за документы, но очень быстро понял, что своих желаний стоит бояться.

“У меня зазвонил телефон...”

– Гинекология, – коротко бросил в трубку врач.

– Михаил Иванович, поднимитесь, пожалуйста, в интенсивную, – это была дежурная сестра.

– Срочно?

– Да, – дежурная сглотнула. – Тут недавно поступила прооперированная...

– Что с ней?

– С ней всё в порядке... Просто тут Тамара Петровна. Она

её осматривает. Просила вас пригласить.

– Иду, – коротко ответил Михаил Иваныч и положил трубку.

И как это понимать? Всё страньше и страньше... Поднимаясь по лестнице в операционный блок, по соседству с которым была “интенсивка”, доктор сам себе приказал перестать придумывать объяснения происходящему. Он повторял мысленно привычную формулу: «Сначала наблюдать, потом удивляться, а уж потом – если останется время – задавать вопросы». Формула была старой, почти академической, но спасала от паники. В оригинале она звучала несколько по-иному, уместаясь в три слова, но оставим цензурный вариант.

Задавать вопросы сейчас было пустой тратой слов. Оставалось лишь смотреть, слушать и ждать, словно в этом мире не осталось места объяснениям, а был только один разумный путь: довериться потоку событий, принять их как есть, подобно чаю Семёна Ильича, который он несёт уже полгода, каждый раз обещая «завтра».

Когда доктор зашёл в палату интенсивной терапии, то застал совсем странную картину. В палате, кроме роженицы, был лишь один пациент – бабушка без сознания, с лёгкой

формой ишемического инсульта. Около койки с бабушкой хлопотала сейчас дежурная сестра, проверявшая аппаратуру и часто поглядывавшая в сторону койки с роженицей, около которой стояла Тамара Петровна. Одну руку главврач держала на лбу пациентки, вторую – точно под левой грудью, напротив сердца.

Доктор подошёл поближе и остановился рядом с койкой.

– Вы звали, Тамара Петровна? – негромко спросил он. – Как пациентка?

– Я полагала, что это вы мне расскажете, Михаил Иванович, – холодно ответила главврач.

– Операция прошла успешно. Грязи в ране не обнаружено. Состояние на момент перевода в палату интенсивной терапии стабильное. Вот только...

– Только что? – поинтересовалась Тамара Петровна.

Она убрала руки с головы и груди пациентки, обошла койку и положила правую ладонь на повязку точно поверх ушной раны.

– Так что вас смутило, Михаил Иванович? – повторила во-

прос главврач.

– Кровь у неё... синяя,– медленно ответил гинеколог.

– Ну что ж, поздравляю!– выразительные брови Тамары Петровны встали домиком. – Ваш пациент принадлежит к исчезающе малой группе людей, у которых медь в крови взяла верх над железом.

– Это... совместимо?

– Вы же видите – дышит, реагирует. Значит, совместимо.

– Но у людей не может быть такого! Или вас это не удивляет, как... как и остальных?

– Ну, вы сами же ответили на свой вопрос,– с иронией заметила главврач.– Раз остальных не удивляет, то и вы не удивляйтесь.

Доктору хотелось спросить, мол, какого чёрта тут происходит, но он сдержался. Так с начальством разговаривать нельзя, проще против ветра малую нужду справиться.

Больная тем временем открыла глаза и посмотрела сначала на главврача, а потом медленно перевела взгляд на гине-

колога. Глаза у неё были серо-голубые, пронзительные и бездонные, словно нездешние.

– Что тебе есть имя?– рокочущим контральто вдруг спросила главврач у больной.

– Ва... силица,– шёпотом ответила та.

– Что помнишь ты?

– Что младенца родила здоровенького. Молочка бы ему материнского, чтобы сил набирался, да богатырём рос на славу рода нашего,– шептала Василиса.

– Пока лежи, скоро увидишь младенчика своего,– таким же глубоким голосом ответила Тамара Петровна и убрала руку с живота пациентки.– Выздоровливай!

– Пойдёмте, Михаил Иваныч, – уже привычным тоном сказала она.– Сейчас спустимся в приёмный покой, там ваше присутствие обязательно.

– Принято,– коротко ответил доктор, стараясь унять холодок под ложечкой.

Лёгкой девичьей походкой Тамара Петровна покинула

“интенсивку” и зацокала шпильками по коридору. Михаил Иванович последовал за ней, ловя удивленные и вопрошающие взгляды дежурной сестры, которым суждено было остаться без ответа. Впрочем, когда они покинули палату, сестра сразу потеряла интерес к происходящему и механически занялась выполнением привычных обязанностей.

По дороге к приёмному покою доктора вдруг посетила мысль, что начальница давно уже не носила туфель на шпильках – комплекция у неё была крупная. А тут она не шла, а прямо летела впереди, слегка покачивая бёдрами, словно двадцатилетняя студентка на свидание.

В лифте он внимательнее присмотрелся к Тамаре. Несоответствия множились: цвет волос неуловимо отличался, морщинок на лбу практически не было, отсутствовал наметившийся второй подбородок, да и кожа на шее была упругой и гладкой – прямо хотелось прикоснуться, как тогда, четыре года назад.

Лифт лениво дохнул сквозняком, словно сдувая нахлынувшие воспоминания. Пока кабина ползла вниз, он всё же решился:

– Простите, у вас новая диета или...?

– Старый добрый сон, – пожалала она плечами. – Сплю, наконец, по четыре часа, а не по два.

– Сон? – переспросил доктор.

– Лучший способ восстановления сил, Михаил Иванович. Если позволить себе роскошь отключить телефон.

Перед входом в приёмный покой Тамара Петровна сделала доктору знак остановиться. Дверь была открыта, но находящиеся внутри пока что не замечали новоприбывших.

***

В приёмном покое, кроме дежурной сестры и егеря, находились хирург Виталий Палыч и местный участковый – Максим Ильич Самойлов. По чьему-то странному административному капризу этот уже седоватый майор числился всего лишь участковым по Северо-Западному сектору Кромска, который горожане дружно величали просто Болотом.

Прозвище закрепилось из-за основной улицы района – Болотной, а её название, в свою очередь, восходило к Ядрову озеру, что обреталось километрах в десяти от города. Если точнее – Ядрову Болоту, которое начиналось сразу за озером и тянулось на север, застилая горизонт чахлыми де-

ревцами. Этот бескрайний кисель из торфа, трясин и кочек, богатых развесистой клюквой, согласно ведомственной карте продолжался до самого края листа, а что там дальше – из местных мало кто знал, да и знать не особо хотел.

Улица Болотная торчала из города тонкой серой жилкой. Ровный асфальт заканчивался неожиданно, словно финансирование, нежно тронутое чиновничьей пилой. Далее шёл рябой просёлок, тянувшийся до самого озера, где внезапно разветвлялся, как плохо отлаженный алгоритм.

Налево пойдёшь – в село Богородское придёшь, где обитала упёртая казачья община, будто сошедшая со страниц дореволюционного фолианта: строгие уставы, серые папахи, самодельная медовуха и вечный ритуальный спор с районными властями о «вольных правах». Как выражался порою майор Самойлов, «они там, наверно, до сих пор радио колдунством шаманским считают и за отмену крепостного права голосуют единогласно и ежегодно, чтобы не забыть». Что именно «не забыть» – он обычно не уточнял, обильно присо-вокупив далее слова, в светском обществе неупотребимые.

Направо дорога огибала озёрную гладь, потом шла вдоль кромки болота и приводила к хутору Беленькому.

В Беленьком – пять дворов, ветхий дизель-генератор и царство егеря, того самого, что привёз роженицу и который

по осени водил заезжих чёрствых философов стрелять уток, по зиме – мажористых бургеров на кабана, а по весне – отчаянных романтиков на медведя-шатуна. Тут же обрелись его собаки, бензопилы, сети и маленький музей добытых ранее охотничьих трофеев, среди которых были не только головы и шкуры, но и мелкие памятные вещи. К последним обычно прилагалась записка, в коей излагалась байка, с оным предметом связанная, но то было для гостей – все свои истории егерь помнил назубок.

Дальше дорога теряла последние крохи асфальта, смирялась, одевала посконное глиняное рубище и превращалась в лесную грунтовку, которую егерь, согласно инструкции, каждую весну чистил самодельным отвалом. Грунтовка уходила на северо-запад, туда, где за покатыми холмами рычали трелёвочные трактора, вытаскивая из чащи сосны, возрастом сопоставимые разве что с городскими легендами.

Болото – это не география. Это образ жизни. В городе сектор держался особняком, словно вредный старик-отшельник, который сперва приглашает к столу, а потом внезапно вспоминает, что гостей терпеть не может.

В начале своей карьеры участкового Самойлов часто и подолгу задумчиво курил после очередного выезда, словно решая в голове уравнение: как совместить служебные обязан-

ности с тем простым фактом, что Болото по-настоящему не подчинялось никому, кроме самого Болота.

Прошло время, и решение нашлось – он просто полюбил Болото таким, какое оно есть. Полюбил его правильный, строгий беспорядок. Полюбил и то, что здесь всё часто решалось без протокола: ты либо умеешь ходить «по земле» – и живёшь, либо не умеешь – и тонешь в трясине. Остальное – мишура.

Сейчас участковый майор Самойлов чувствовал себя словно капитан дальнего плавания, зашедший в шахматный кружок: гордо, но растерянно.

Первой, видимо, попала под раздачу дежурная сестра, но с ней разговор был уже закончен. Сейчас участковый беседовал с егерем.

– Ну, Михалыч, ты меня знаешь, я тебя знаю. Рассказывай, что тут у вас.

– Знаю, конечно. Ты вот что, Ильич, вопросы задавать будешь под протокол или как?

– Пока что так, – участковый выделил первое слово.

Допрашивать полномочий у майора не было – это prerogative следователя. Но привлечение следователя-дознателя автоматически переводило ситуацию в сугубо официальный формат, что для тихого Кромска, где все всех знают, было пока нежелательно.

– Нашёл их обоих у просеки, в Селищенской балке, на полпути от озера до моего хутора... – нехотя начал егерь.

Самойлов кивнул и открыл блокнот, хотя знал: запишет пять слов и спрячет – начальству нужен не протокол, а отсутствие скандала.

– Вот прямо в балке? С дороги увидал? – глянул он на егеря исподлобья.

– Да там от балки одно название – сам прекрасно знаешь.

– И чего ты там делал ночью?

– По делам в город ехал, – насупился егерь.

– По делам, значит? – усмехнулся Самойлов.

– Ну, Ильич, ёпта! Бабу я присмотрел. В городе. Договорились. Знаешь ведь – один живу, на выселках, да ещё и но-

га... – завёлся егерь.

– Ладно-ладно, не кипятись, – участковый сбавил тон. – И что дальше?

– Дальше. Следы шли с болота – там нынче глушь и топь, не всякий за клюквой пойдёт. Да и не время – весной она-то слаще. Женщина на самодельных носилках лежала, еле жива, на животе повязка тугая. Этот... сопровождал. Сказал, что «повивальная бабка» ушла «куда-то» и сказала помощи ждать. Ну, подобрал и повёз.

– А ты не брешешь, Михалыч? – устало вздохнул участковый. – Ну тебе-то оно какого чёрта случилось?

– А чё, бросить их, ёпта? Люди же! – взвился егерь. – Так бы я давно сидел дома, водку пил, а не здесь рапорт на лету сочинял.

– А говоришь – к бабе ехал?

– Ну это я фигурально...

– Слушай, родное сердце, брешешь ты хреново. Колись давай. Как на духу.

Михалыч посопел, помолчал и выдал:

– Баба с ними была. Высокая, красивая и страшная. На две головы тебя выше. Глаза – огонь. Как скажет чего – мороз по коже продирает. Она и скомандовала подобрать и отвезти.

– Так страшная или красивая?

– Вот не поверишь: и то и то.

Участковый выругался.

– Забористые у тебя там мухоморы, однако. Не передумал «ваньку» валять?

– Ильич, ты это... Мы в больнице, ёпта – ты команду дай: вот доктора, вот вены, вот «поссать». Если хоть какой запрет в крови найдут – сам с повинной приду.

Участковый вплотную придвинулся к егерю.

– Михалыч, ты ж служил! Что мне с вами делать прикажешь? – зашипел он. – Вас туева хуча народу видела. Секаешь, чем пахнет?

– Да не дурной.

– «Не дурной» он, – участковый скривился, словно лимон прикусил. – Роженицу зовут неизвестно как, кесарево сделали чёрт-те кто, ребёнок жив, мать в реанимации. Этот её сопровождал? – кивнул он на мужичка в серой домотканой рубахе и лаптях.

– Он самый.

Тот периодически хрюкал из-за тампонов в носу, мял в руках войлочную шапку и тарасился на люминесцентные лампы, будто в них жили демоны.

– Ты чего на себя «look» такой напялил-то, клоун? – обратился к нему участковый.

– Лук? Не... Лук – то ж овощ, в говне растёт. А это ж армяк простецкий, – автоматом выдал мужичок.

– Фамилия, имя, отчество?

– Борослав... а отчества не спрашивал никто-сь. Родимичи мы все, барин. Бывало, кличут просто – Борко да Славко. А фамилия – от земли она, Светлоярские мы обратно ж, – голос у него был тихий, будто шелест ветра, и немного гнусавый.

– Ты «ваньку» не валяй! – рыкнул участковый. – Какой я тебе к *ням барин? Не видишь – перед тобой майор полиции?! Либо здесь всё рассказывай, либо в «обезьяннике» всё равно расскажешь. Но там кислее будет.

– Полицмейстер, значит, ваша милость? – мужичок согнулся в пояском поклоне. – Не надо-ть в «холодную-то». Я-тось к батогам привычен, токмо за милой моей пригляд бы нужен...

– К батогам он привычен... Гражданин Борослав-без-фамилии, год рождения?

Борослав виновато пожал плечами:

– Как Господь положил. Вот-кась Александр Николаич, кнезь великой, на престол взошёл, коль по правде-то я уж на коне сидел умеючи, а до того-сь и не помню.

В приёмной сделалось чуть глуше, будто кто-то убавил громкость реальности.

Самойлов снова потёр переносицу:

– Ты че пил-то, болезный? Опохмелиться не «надо-ть»? Ладно. Пойдём по порядку. Кто оперировал женщину?

– Чаво?

– Резал кто?!

– Сестра из Повивального ордена, – ответил Борослав и вздохнул. – Сначала «клик-клик» над животом железным птичьим клювом, потом выпарила дитятю, перевязала жилицы нитью, а паче – светом жгучим присурупила. Сказывала – век её к концу близок, не сможет боле деточек рожать, – по его щеке покатилаь небольшая слеза и пропала, затерявшись в рыжей густой бороде.

Егерь тихо свистнул:

– Клюв железный? Это как?

Участковый сделал егерю знак помолчать, но Борослав ответил:

– Та вот значить узок, длинен, да свет на конце. А потом совсем ярко свет пыхнет, а плоть того... сама расходится. И без боли... потом только больно стало, – он часто-часто задышал, и по щеке его вновь скатилась слезинка.

– Ну да, – ухмыльнулся Самойлов. – Вот прямо баба ка-

кая-то в лаптях по топям бродит с клювом этим и всем «плоть того» делает, без боли. Вчера такую оформляли, в дурку областную повезли. Повторяю вопрос: что пил-то?!

– Ныне, что ль, ваша милость? – поднял на участкового мутные глаза мужичок.

– Ныне-ныне, не вчера ж. Вчера бы пил – «надясь» бы перегаром тащило.

– Ныне-то чай кипрейный, да сбитня чутка, пока милую мою того... – голова его упала на грудь, сам обмяк и стал заваливаться набок.

Перед этим он странным образом не то чихнул, не то кашлянул, от чего из носа вылетела причина гнусавости – два небольших окровавленных тампона. Снова брызнула на пол кровь.

Хирург и сестра бросились к нему одновременно. Виталий Палыч подхватил Борослава под мышки и усадил на стул. Сестра дала понюхать нашатырь. Мужичок задышал ровнее, но до конца в себя не пришёл.

– Что с ним? – спросил Самойлов, когда суета немного утихла. – Упоролся чем-то?

– Да непохоже, – хирург поднял веко Борослава и взгляделся в зрачок. – Экспресс-анализ – чисто. Зрачки – норма, взгляд прямой, движения уверенные, осмысленные. Никаких признаков опьянения, тем более наркотического. Предполагаю высокую степень нервного и психического истощения. Особенно учитывая, как они приехали.

– А вот это опять вопрос к тебе, Михалыч! – участковый всем телом повернулся к егерю. – Рассказывай ещё раз, как дело было.

– Да чего там... Рассказал уже всё. Уложили её, этот на пассажирское сел. Всю дорогу за голову держал, ей, мол, так не больно. Потом сюда погнали, что мочи было. Остальное доктора уже видели. Говорит – младшая жена его.

– Опа! Что за хрень?

– Мужиков у них мор какой-то проредил, вот и разрешили до трёх жён брать.

– Какой к чёрту мор? Они мусульмане, что ли?

– Да не, крест у него видел.

– И всё?

– Всё.

– Ну всё, так всё. И всё – херня полная. Может, по-простому: напоролись на каких-то бандитов-сектантов, они тебя припугнули, ты и повёз?

– Юмор? Понимаем! – ответил едкой цитатой егерь.

Самойлов погрозил ему пальцем.

– Михалыч, заговариваешься! Может, это вообще твоя любовница? Ты её огулял девять месяцев назад, она приехала к тебе, вы бахнули по стопке, и она стала рожать. Ты её разрезал и сюда привёз. Вполне себе версия.

– А на хера мне её резать? Так бы привёз, ёпта! Ильич, ты чего?

– Ничего. Базар фильтруй. Или этот клоун даст показания, или ты крайним получаешься.

Егерь виновато пожал плечами и отвернулся к окну. Там его лицо исказила усмешка, больше походившая на оскал, но это осталось без внимания.

– Ну что, фиксируем? – дежурная сестра вернулась к рабочему столу. – Женщина после кесарева в отделении, ребёнок в кювезе, температура стабильна. Ф. И. О. неизвестно, документов нет, история поступления – что-то из «Космических историй для юношества». Всё верно? А то так и отправлю сейчас.

– Пока ничего не сообщайте! – Самойлов встал и нажал танкету рации. – Сержант!

Появился напарник, сержант Петрищев, и вопросительно уставился на начальника.

– Этого, как придёт в себя, – в обезьянник, – указал он на Борослава. – С остальными пока побеседуем.

Но тут оживившийся было Самойлов вдруг сдулся, точно шарик, из которого выпустили воздух: в приёмный покой белой лебедью вплыла Тамара Петровна. За ней кильватерным строем просочился гинеколог.

– Здравствуйте! – обвела она присутствующих царственным взглядом, слегка задержавшись на хирурге, от чего тот встал со стула и оправил халат.

– Да уж ночи доброй, Тамара Петровна! – крикнул участковый. – Вот вызвали меня к вам, происшествие у вас! А я уж думал, всё, улетели вы.

– Как видите, я тут, – холодно улыбнулась главврач. – Я правильно понимаю, что вы, Максим Ильич, здесь по поводу нашей роженицы?

– Совершенно верно! – участковый тоже оправил китель. – И что вы нам можете сообщить?

– Операция прошла успешно. Состояние больной стабильно. Мы с Михаилом Ивановичем, – царственный жест в сторону гинеколога, – только что осмотрели больную. Выздоровление идёт полным ходом. Часа не прошло – уже в полном сознании после наркоза. Вспомнила своё имя – Василиса. Всё верно, Михаил Иванович? – обернулась она к гинекологу.

– Да, всё так, – тот закивал головой, словно китайский болванчик, – Василисой назвалась. Редкое имя!

– «Даздраперма» сейчас ещё реже, – ворчливо выдал участковый. – Тамара Петровна, думаю, нам стоит побеседовать «тэт-а-тэт».

Главврач успешно задавила улыбку.

(Тут тонкий юридический момент: если пациент смог назвать свое имя, то медики по закону имели полное право не передавать МВД информацию о “странностях” пациента, и участковый разом лишился важного рычага давления. – прим. автора)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.